

Знало усталое солнце: пора на ночлег.
Но забрело в облака, забыв о ночлеге.
А по дороге, уткнувшись в печаль, человек
Ехал, мотив напевая, в скрипучей телеге.

Чувствовал конь, что хозяин его утомлён,
Сдерживал шаг торопливый с завидным стараньем.
Мир был согласьем возвышен и был удивлён
Тем, что знакомый мотив превратился в молчанье.

И размышлял человек, ощущая покой:
«Вроде в достатке живу, а вот в сердце—убого.
Не потому ли так дорог мне преданный конь,
Грива его над петляющей сонно дорогой?»

Двигается жизнь. Для печали немало причин.
И устаю иногда от работы нагужной.
Век двадцать первый, наполненный воем машин,
Мне не сумел доказать то, что конь стал ненужным.

Пусть с каждым годом всё больше забот и потерь,
Но, словно звёзды, надежды лишь временно гаснут.
Трудно к согласью порой открывается дверь.
Видимо, всем нам сейчас не хватает согласья...»

Вот и жилище. Рассыпав лучи в зелена,
Солнце неспешно сползло за пригорок покатый.
А человек всё стоял и стоял у плетня,
Гладил коня, утопавшего гривой в закате.

Бежали звёзды—вспугнутые кони,
Цепляясь гривами за облака,
И голубые искры беспокойно
Гасила торопливая река.

А люди думали: ветра вздымая,
Весенний гром над крышами гремит,
Не зная, что над тихими домами
Пронёсся стук стремительных копыт.

Когда же день стал подниматься новый,
То над землёй, уткнувшись в край села,
Сияла отлетевшая подкова,
А всем казалось—радуга взошла.

Наполнен светом дом родной,
В нём благодатно, словно в храме.
«Сынок, что случилось со страной?»—
Тревожно спрашивает мама.

Её нельзя мне обмануть.
Вокруг одна беда. И что же?
Быть может, давнее безбожье
Нас вывело на ложный путь?

Среди утрат, среди обид
Мелькают дни, мельчают лица.
Куда, скажите, торопиться,
Коль над страной туман висит?

Но к маме мне всегда спешить,
К её проблемам и заботам,
Ведь в притяжении души
Живёт божественное что-то.

Поля унылы и черны,
Луга печалятся рябые.
А у тебя и у весны
Глаза такие голубые.

Не потому ль, когда ты вдаль
Глядишь, улыбки свет рассеяв,
Весь мир становится весенним,
Прогнав тревогу и печаль?

И, не печалясь, не грустя,
Я за тобой иду в рассветы,
Ведь у весны и у тебя
Глаза полны тепла и света.

Бессмертно чувства затаив,
Дороги я пройду любые,
Чтоб видеть каждый день твои
Глаза такие голубые.

Опять сегодня небо всем проходим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось—что-то Бог сказал...
Но нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога—
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Я думал о тебе. О днях беспечных,
Возвышенных судьбою и тобой.
Любовь всегда сильнее сомнений вечных,
Когда она действительно любовь.

Ещё не раз встречаться, расставаться,
Быть злым и добрым, трезвым и хмельным,
Но всё-таки дано объединяться
Стихам небесным и стихам земным.

И, где бы ни был, ни скитался где бы,
О чём я ни мечтал бы, позарез
Мне нужен взгляд распахнутого неба,
Как во Христа поверившему—крест.

Огни по посёлку рассыпаны густо,
Нагруженный ветер уснул в борозде,
И плещутся, словно соседские гуси,
Полночные звёзды в полночной воде.

Они так озябли в мирах беспредельных
И так размечтались о сущем тепле,
Что, небо оставив, спустились на землю,
Ведь знают, наверно: тепло на земле.

Тепло, когда дарят друг другу букеты
И взглядом лохматых не смотрит вражда,
Когда, оглашая гудками планету,
К любимым любимых везут поезда.

Полночные звёзды беспечны, как детство,
Они не боятся погаснуть вдали,
И мчатся, и падают, чтобы согреться
В полночном дыханье полночной земли.

И я, не скопивший за годы богатства,
Мечтою блуждающий, как пилигрим,
Надеюсь, что буду всегда согреваться
Горячим и верным дыханьем твоим;

Что мне не шагать по ухабинам грусти,
Не жить во вражде, в суете-маете...
И плещутся, плещутся, словно бы гуси,
Полночные звёзды в полночной воде.

Терзают ночь свирепые метели,
Холодной грустью снег летит опять.
Был Ваш уход—как выстрел на дуэли,
Он мог бы всё навеки оборвать.

Ушли Вы не спеша, несуетливо,
И надломилось сердце, но—терплю.
Совсем не потому, что терпеливый,
А потому, что нежно Вас люблю.

Мне всякий раз удачи не хватало
И слов, чтоб очень важное сказать,
Но то, что наши помыслы связало,
Сильней того, что может развязать.

Я задохнусь надеждой, Вас встречая,
Я превращу в рассвет любой закат...
Когда уходит женщина печальной,
То в этом лишь мужчина виноват.

Дверь

Не скитаешься и не болтаешься,
От дворовых забот—вдалеке.
Для одних так легко открываешься,
Для других же—всегда на замке.

Ты—обычная дверь деревянная,
И стоишь, никому не грубая.
Под тобою валяются пьяные,
И ногами пинают тебя.

В дни счастливые и несчастливые,
В дни печальных и праздничных дат
Больно бьют в твою грудь терпеливую
И в глазок, словно в душу, глядят.

Потептели глаза у зари,
И объята покоем равнина,
Где в росе обречённых травинок
Отразились опять косари;

Где удачу пророчат грачи,
Где безумствует запах акаций
И где бабочки тихо садятся
На упавшие в травы лучи.

Что сказать? Человек я простой:
Мне наградой твой взгляд и отрадой,
Как цветение майского сада,
Как весны разнотравный простор.

И под лёгкие вздохи косы
Закружили под облаком птицы,
И ромашек пыльца золотится
На прозрачных крылах стрекозы.

Вот облаков витиеватый дым,
Вот горизонт—
всё так легко и просто.
Но даже днём, когда не виден космос,
Вдруг ощущаешь робость перед ним.

Казалось бы, какая ерунда—
Трава у ног и радостный кузнечик.
А через них перетекает Вечность,
В песчинки превращая города.

Да, я, конечно, свой среди полей.
Под силу мне пересказать стихами
И тишины прозрачное дыхание,
И светлый шум печальных тополей.

И часто вечером, без суеты,
Задумчиво смотрю на мир огромный,
Но знаю, что окно родного дома
Светлее для меня любой звезды.

Уезжай. На прошлое не сетуй.
Ни к чему унылые слова.
Уезжай. Как отпылало лето,
Так сгорит осенняя листва.

Ты чертовски молода, и, чтобы
Шла сквозь дни любимой и любя,
В мир весны пускай везёт автобус
Из пришедшей осени тебя.

Что сейчас мои стихотворенья?—
Россыпь, в общем, невесёлых строк—
Я всего лишь осени мгновенье,
Я всего лишь сентября листок.

Видно, где-то есть, тобой обласкан,
Тот, кому уткнёшься ты в плечо,
Может, в Счастье¹, может быть, в Луганске,
Ну а может, где-нибудь ещё.

Я ведь ничего не обещаю,
Вот уедешь—и запрячусь в тишь.
Уезжай, я всё тебе прощаю,
Зная, что и ты мне всё простишь.

Уезжай туда, где есть ответы
На вопросы жизни непростой,
Где тебя с улыбкой доброй встретит
Кто-то по-апрельски молодой.

Но душа моя среди всех странствий
Вновь тебя обнимет горячо,
Может, в Счастье, может быть, в Луганске,
Ну а может, где-нибудь ещё.

Григорий жизнь невесело прожил.
Война. Послевоенная разруха.
«Прожил, а ничего не накопил»,—
Ворчала иногда жена-старуха.

Он понимал, что время—умирать,
Да всё дела... дела не позволяли.
И сыновей хотел уже позвать,
Да где там—забрались в глухие дали.

Но стало всё-таки неважно,
За горло взяли старые болячки,
И жизнь упрямо подвела черту,
Последний день Григорию назначив.

Вот так—когда Григорий тихо спал
И слышал, как негромко сердце бьётся,
Какой-то странный голос прошептал,
Что всё... что день последний остаётся.

Дед встал. Печально скрипнула кровать.
Взглянул в окно—земли сухие груди.
Подумал вдруг: «Кто ж для меня копать
Такую твердь суглинистую будет?»

Как ни крути, а некому. Ну что ж,—
Прокашлялся. Погрел у печки спину.—
Возможно, завтра разразится дождь,
Промочит грунт. Тогда и опочину».

Прошёл неторопливо к образам,
Посапывая и слегка хромяя.
«Моложе был бы—выпил бы сто грамм,
А так, пожалуй, похлебаю чаю».

Порой казалось—нету больше сил,
Ни капельки уже их не осталось,
А он, крестьясь, у Господа просил,
Чтоб тучи поскорее собирались.

«Куда моей старухе яму рыть—
Ей жизнь давным-давно пора итожить.
А если б дождь прошёл, то, может быть,
Управился б сосед—он чуть моложе».

И дед терпел, хоть было всё трудней.
В груди давило. Губы сжал до боли.
Как будто был не в мазанке своей,
А там, под Оршею, на поле боя.

Хотелось показаться, уходя,
Таким, как был,—и крепким, и удалым...
Он умер через день, после дождя,
Когда земля сырой и мягкой стала.

.....
1. Счастье—город возле Луганска.